

ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

Ю. М. Эскин

Минин и Пожарский. Сочетание имен этих знакомо едва ли не всем с детства. Сбор ополчения Мининым в Нижнем Новгороде, изгнание интервентов из Москвы Пожарским припомнит любой. Но гораздо меньше известны биографии этих национальных героев нашего народа...

Пожарские были захудалой ветвью Рюриковичей, властителями небольшого удельного Стародубского княжества в бассейне Клязьмы, Луха и Мстеры. Потомки потерявших в XV в. независимость стародубских князей стали рядовыми вотчинниками. Княжата носили прозвания по родовым гнездам: Ряполовские, Ромодановские, Палецкие (по селам Ряполову, Ромоданову, Палеху), Пожарские (по вотчине Пожар)¹. Многие из членов первых фамилий достигли видного положения в Русском государстве и стеснялись родства с незаметными Пожарскими. А сейчас их имена и титулы интересны в основном специалистам, имя же их родственника навсегда прославлено его делами.

1 ноября 1578 г. у князя Михаила Федоровича Глухого-Пожарского и его жены Марии Федоровны, урожденной Беклемишевой, родился второй ребенок — Дмитрий (старшей была дочь Дарья, младшим — сын Василий). Мальчика нарекли Дмитрием не случайно. В знатных семьях любили давать детям принятые в великокняжеской династии имена: Дмитрий, Иван, Василий и т. д. «Дмитриям» на московском троне не везло. После Дмитрия Донского погибли все звавшиеся так претенденты на престол. Так, потерпел крах Дмитрий Шемяка, был убит Дмитрий — внук Ивана III, утонул младенец Дмитрий — первенец Ивана IV, погиб в 1591 г. Дмитрий — последний сын Ивана Грозного, та же судьба постигла всех Дмитриев-самозванцев. Ряполовские (Хилковы и Татевы), Палецкие, Ромодановские служили окольными и боярами. Ветвь же Пожарских (из старших в стародубском роде) оказалась в рядах третьестепенных служилых людей — городских голов и ямских стройщиков, которых не часто заносили в Разрядные книги. Пожарские в местнических спорах оправдывались опалой времен Ивана IV. Но документально это никак не подтверждается. Еще и до правления Ивана Грозного мы не могли бы назвать ни одного видного военного или государственного деятеля из Пожарских. Очевидно, когда великие князья подчиняли Москве Суздальское и Нижегородское княжества и мелкие титулованные вотчинники спешили к ним на новую службу, Пожарские проявили пассивность. «Отчины» их были обширны, в великокняжеских пожалованиях особой нужды тогда не было. Не вступив на службу в ранге служилых князей, они отрезали своим потомкам путь к верхам московской знати.

Дед Пожарского, князь Федор Иванович Третьяков-Пожарский значится в наибольших чинах в «Тысячной книге» и «Дворовой тетради» — списках служилых людей государева двора середины XVI века². Через несколько лет он стал городской головой в Казани. Он не пользовался благоволением царя и был убран из Москвы. Дважды в 1560-е годы его заставляли ручаться — «поручаться»: по Бельском (в 100 руб.) и по боярине Яковле (в 50 руб.)³. Значит, Иван IV в случае «измены» вельмож надеялся получить эти огромные по тем временам суммы. О богатстве деда Пожарского Третьякова-Пожарского свидетельствует факт продажи им в 1573 г. вот-

¹ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. Т. II. СПб. 1897, стр. 189—191.

² «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.». М. 1951, лл. 125, 93 об.

³ Л. М. Савелов. Князья Пожарские. М. 1906, № 30.

чины монастырю за 400 рублей! ⁴. Сын его Михаил Федорович нигде не упоминается как воевода. Если он и воевал, то как простой служилый человек, не имея даже звания головы. Ранняя болезнь или контузия (на это указывает прозвище «Глухой») тоже могли помешать карьере. Большую часть жизни князь Михаил провел в своих вотчинах. Кроме части родового Мугреевского владения, ему принадлежали деревня Лужная на Угре, деревня в Деревской пятине Новгородского уезда и подмосковное Медведково на Яузе.

В 1571 г. отец женил Михаила на Евфросинье-Марии Беклемишевой, дочери Федора Ивановича Берсенева-Беклемишева. Так узлами брака связались два рода — захудавший княжеский и опальный старомосковский. Таким образом, Дмитрий Михайлович Пожарский оказался правнуком видного государственного деятеля эпохи Ивана III, думного дворянина Ивана Никитича Берсенья-Беклемишева ⁵. Берсень выступил против второй женитьбы Василия III и его развода с Соломонией Сабуровой, за что был казнен в 1525 году. Он «поплатился за колкие высказывания об усилившемся самовластье Василия III, единолично принимавшего решения без совета с Боярской думой» ⁶. Внучка его, мать Д. М. Пожарского, не любила своего, данного при крещении, имени Евфросинья и звалась Марией, как она и фигурирует во всех официальных документах. А уйдя на старости лет в монастырь, княгиня сменила «крестное» имя по обычаю на созвучное — Евдокия. В 1587 г. князь Михаил Глухой-Пожарский умер. Вдова осталась с детьми на руках. Старшими были Дарья 15 лет и 9-летний Дмитрий. Через некоторое время Дарья вышла замуж за князя Н. А. Хованского, а княгиня решила определить сыновей на службу. Перебравшись в Москву, Мария Федоровна использовала связи Беклемишевых в старомосковской придворной среде, и в 1593 г. Дмитрий и Василий поступили на службу ⁷. В разрядах того времени они не числятся, но в 1598 г. Дмитрий Михайлович стал стряпчим «с платьем». Получить место при дворе потомкам Берсенья помогли вошедшие в силу потомки Сабуровых-Годуновых. Тем не менее новым придворным пришлось выдержать жестокие местнические стычки с такими же, как они, княжатами. В результате какой-то интриги мать Дмитрия однажды подверглась опале, но уже в 1602 г. была назначена верховой боярыней при царице Ксении Годуновой.

В то же время мать другого придворного в том же чине — княгиня Лыкова — стала верховой боярыней у царицы Марии. Д. М. Пожарский не пожелал признать свой род ниже рода Лыковых — младшей ветви Оболенских, и начался местнический спор. Это дело подробно описано в изготовленной по заказу князя Дмитрия Разрядной книге: «По своему отчеству матери моей менши князь Михайловы, княгини Лыкова, княгини Марьи, моей матери быть невместно а мочно, государь, быть больши... княгини Марьи многии места. А я холоп твой бяю челом тебе Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу Всея Руси в отечестве на князя Борисова отца, на князя Михаила Лыкова» ⁸. Решения по этому делу не было. Значит, Пожарского признали чуть выше Лыкова либо равным (раз не наказали, как поступали с потерпевшими неудачу). Вскоре князь Дмитрий стал стольником. Он выделялся среди молодых придворных своей образованностью. Грамотеев при дворе Бориса Годунова было не густо. Так, в 1602 г. при получении стольничьего жалованья Пожарский расписался за шесть человек, в числе которых князья Хованский, Долгорукий, Шаховской, Вяземский и стольник Аксаков ⁹.

Жил тогда Пожарский в обширном родовом подворье на Сретенке (потом эта часть Сретенки стала называться Лубянкой, ныне ул. Дзержинского), у церкви Введения. Он уже был женат на какой-то Прасковье Варфоломеевне (ее девичья фами-

⁴ ЦГАДА, ГКЭ, Юрьев, ф. 281, №№ 28/14578, 28/14579.

⁵ Там же.

⁶ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М. 1972, стр. 271—287. Прозвище говорит об остром, язвительном уме: берсень — колючий кустарник, крыжовник, шиповник (см. С. Б. Веселовский. Ономастикон. М. 1974).

⁷ А. Малиновский. Биографические сведения о князе Д. М. Пожарском. СПб. 1817, стр. 3, 4.

⁸ Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее — ГБЛ, ОР), ф. 79, № 16.

⁹ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 8.

лия неизвестна). Служба стольника была не особо обременительной: присутствие на приемах послов и официальных пирах, иногда поездки с особыми поручениями к наместникам и воеводам. Донимали интриганы, особенно князь Лыков, который позднее доносил царю Василию Шуйскому: «Прежде при царе Борисе он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто я, сходясь с Голицыным и со князем Татевым, про него, про Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло... И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску»¹⁰. Пунктуальные дьяки зарегистрировали покупку Пожарским в те годы в казне боевого коня и снаряжения, в счет чего была удержана значительная часть жалованья. Так бы и длилась, вероятно, придворная карьера князя Дмитрия, если бы не бурное время конца XVI — начала XVII века.

В обстановке резко обострившейся классовой борьбы и политической изоляции режим Годунова пал. В Кремле утвердился Лжедмитрий I. Биографы теряются в догадках относительно деятельности князя Пожарского вплоть до воцарения Василия Шуйского. Известно, впрочем, что князь по-прежнему выполнял стольничьи обязанности во дворце. Лжедмитрием он не был ни наказан, ни возвышен, Шуйским — тоже. Весной 1608 г. стольник Пожарский внезапно «исчезает», и в документах появляется воевода Пожарский. Детали назначения неизвестны. Но понятно, что рассыпавшиеся в то время по стране остатки армии И. И. Болотникова и небольшие казачьи станицы нагоняли страх на правительство Шуйского. Польские войска разоряли русские города, Лжедмитрий II из Тушина руководил мелкими отрядами, Ян Санега осаждал Троице-Сергиев монастырь, а Лисовский — вожак разбойно-партизанских ватаг — стремился овладеть Коломной. В случае захвата ее Москва была бы обречена на голод.

Здесь-то впервые проявилось военное дарование Пожарского. Получив небольшой отряд, он скрытно вышел в район Коломны и выслал разведчиков, которые доставили ему точные сведения об отряде Лисовского. Ранним утром князь Дмитрий напал на отдыхавшего в селе Высотском противника и разгромил его. В Москву Пожарский вернулся с пленными и с богатыми трофеями¹¹. Произошло это осенью 1608 года. Пожарскому исполнилось тогда 30 лет, а всего через год он вновь показал свой военный талант. Весной 1609 г. Москва опять была под угрозой окружения. Отряд крестьянско-казачьей вольницы атамана Салькова блокировал Коломенскую дорогу. Царь Василий направлял против него опытных воевод, сначала князя Масальского, потом Б. Сукина, но обоих Сальков разбил. Затем послали Дмитрия Михайловича: «Наконец, вышел третий воевода, князь Д. М. Пожарский, и разбил Салькова наголову на Владимирской дороге на реке Пехорке; на четвертый день после битвы Сальков явился в Москву с повинною; у него оставалось 30 человек»¹². И через некоторое время Пожарский поехал воеводой в город Зарайск.

Как известно, на роль главы оппозиции непопулярному царю Василию, интригану и клятвопреступнику, претендовал П. П. Ляпунов, честолюбивый глава рязанского дворянства. Сделав ставку на Лжедмитрия II, он служил ранее и у Болотникова; но, учув антифеодалные настроения в войсках «рыцаря Иоанна», Ляпунов увел своих людей к Шуйскому, за что получил чин думного дворянина. Молва приписывала именно ему ту провокацию, в результате которой его соперник талантливый полководец М. В. Скопин-Шуйский стал жертвой подозрительности своего коронованного дяди и погиб¹³. Но для прямого выступления против Шуйского у Ляпунова не хватало сил. Тогда он и отправил в Зарайск к Пожарскому своего племянника Федора с письмом, в котором призывал к общей борьбе. Князь Дмитрий, не склонный поддерживать опасную в условиях иноземной интервенции попытку дворцового переворота, наотрез отклонил предложение, молодого Ляпунова он отпустил в Рязань, а письмо отослал в Москву, потребовав себе подкреплений¹⁴.

¹⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 8. М. 1960, стр. 393.

¹¹ И. С. Забелин. Прямые и кривые в смутное время. Минин и Пожарский. М. 1896, стр. 49.

¹² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 52.

¹³ И. С. Забелин. Указ. соч., стр. 50—53.

¹⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 572.

Вскоре антифеодальная агитация левого крыла тушинцев возбудила посадские низы многих, ранее верных правительству городов. Пожарский как воевода оказался в трудном положении. Его родственники — Ромодановские, Гагарины, Татевы — уходили в Тушино, где награждались чинами и землями. Городские низы потребовали и от Пожарского присягнуть «тушинскому вору». Пожарский не пожелал. Ему угрожала расправа, но воевода укрылся с гарнизоном в Кремле Зарайска. А там находились продовольствие и все ценности горожан, и спустя несколько дней мятежный посад стал уступчивей. Был достигнут компромисс, формулировка которого выявляет политические принципы Пожарского: «Будет на Московском царстве по-прежнему царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому так же служить»¹⁵. Пожарский считал законным того монарха, которому целовала крест Москва.

Когда враждебные Шуйскому феодальные группировки свергли его и предложили трон польскому королевичу Владиславу, они выбили этим почву из-под ног «тушинского вора». Он больше был не нужен и вскоре погиб. Участвовавшие же в его движении народные силы высвободились для национального движения против интервентов. Заруцкий, ставший атаманом собравшейся в Калуге и Туле крестьянско-казацкой вольницы, объединился с вождем юго-западного дворянства князем Трубецким, а в роли организатора «единого фронта» выступил П. П. Ляпунов.

Но над еще не сформированным ополчением нависла опасность. Эмиссар польского короля Сигизмунда Гонсевский стремился подготовить жителей практически оккупированной поляками Москвы к вступлению на царство уже не королевича Владислава, а самого короля, задержанного героической обороной Смоленска. Гонсевский узнал о заговоре, в который вошла часть московской знати, испугавшаяся окончательной утраты национальной независимости: Ф. Плещеев, А. Измайлов, князя Б. Лыков, М. Белосельский, В. Голицын и Д. Пожарский¹⁶. Они решили поддержать Ляпунова. Гонсевский постарался предупредить события и в начале 1611 г. послал из Москвы отряд запорожских казаков. Соединившись с Сумбуловым, атаманом отряда, признавшего Владислава, они осадили Ляпунова в Пронске. Дело ополчения могло погибнуть. Ляпунов разослал призывы о помощи. Первым откликнулся Пожарский. Но настичь врага под Пронском ему не удалось. Узнав о подходе сил князя и других подкреплений, Сумбулов снял осаду и ушел, не приняв боя и решив зато совершить налет на оставленный Пожарским Зарайск. Князь разгадал этот маневр и опередил Сумбулова на несколько часов. Казаки, рассчитывая на добычу, ворвались в деревянный город, не заметив, что ворота за ними закрылись. Выйдя из Кремля, гарнизон начал уничтожение «гостей». Вырваться удалось лишь Сумбулову с немногими оставшимися в живых запорожцами. Они бежали к югу¹⁷.

Отныне политическая ориентация зарайского воеводы прояснилась: война с «семибоярским» правительством, с поляками, союз с освободительным движением. Семье Пожарского стало небезопасно оставаться в старой усадьбе на Сретенке, и Пожарский неожиданно приехал в столицу¹⁸, решив вывезти жену и детей в глухие вотчины на Клязьме. В момент начала восстания москвичей против поляков 19 марта 1611 г. он был в своем доме. «Семибоярщина», это присягнувшее Владиславу правительство, и польская администрация стремились укрепить город ввиду подхода ляпуновского ополчения. Но москвичи саботировали работы. Утром 19 марта акт саботажа перерос в драку с солдатами, затем в вооруженную стычку и в восстание. Извилистые улицы города с глухими частоклами покрылись баррикадами. Оккупантов было меньше, зато они были профессиональными и прекрасно вооруженными солдатами. У москвичей же по приказу Гонсевского было заранее изъято оружие и даже ножи свыше «кухонной» длины. Через несколько часов стихийное выступление получило руководителя. Пожарский, выйдя из ворот, увидел, как польские наемники под прикрытием пушек Китай-города наступали вверх по Сретенке. Восставшие отходили, унося с собой части разборной баррикады. Дмитрий Михайлович собрал защитников

¹⁵ Там же.

¹⁶ Н. П. Долинин. Классовая и национально-освободительная борьба в России 1610—1614 гг. ГБЛ, ОР, ф. 218, № 1355, стр. 617.

¹⁷ С. М. Соловьев. Указ соч., стр. 633.

¹⁸ Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности Гермогена и Пожарского к I Ополчению. «Сборник статей в честь М. К. Любавского». Пггр. 1917, стр. 338 сл.

улицы и послал людей по соседству, на Пушечный двор. Оттуда литейщики доставили орудия и боеприпасы. Тем временем Пожарский построил у церкви Введения узел обороны — «острожек». Неожиданный залп поверг нападавших в смятение, и москвичи перешли в атаку. Пожарский «втоптал неприятеля в Китай-город»¹⁹.

К вечеру москвичи контролировали почти весь Белый город. Оказавшиеся в Москве воеводы тоже укрепились: М. Бутурлин — у Яузских ворот, И. Колтовский — в Замоскворечье. Положение запертых в Кремле и Китай-городе интервентов стало отчаянным. Тогда М. Г. Салтыков, член «семибоярщины», применил испытанный способ борьбы — огонь. Несмотря на сильный мороз, Москва запылала. Люди металась меж горящими и рушащимися домами, по ним били картечью со стен Китай-города. Белый город горел. Ландскнехты перешли в наступление. Весь следующий день люди Пожарского еще удерживали позиции. Сретенка держалась до вечера. Когда оставшиеся в живых защитники покинули острожек, Пожарского, несколько раз раненного и обожженного, в санях отвезли в Троице-Сергиев монастырь. Потом он уехал в Мугреево.

Только через несколько дней подошедшие воеводы ляпуновского ополчения начали осаду Москвы. Но личное соперничество трех глав движения и классовая вражда в войске привели к расколу. Ляпунов заставил ополчение принять дворянскую программу действий: «Приговор 30 июня» предусматривал восстановление крепостных порядков. Вскоре возмущенные низы убили Ляпунова. Тем временем зрела новая социальная база национального освобождения. В условиях ослабления центральной власти в России выросла самостоятельность купеческо-посадских элементов в торгово-ремесленных центрах Востока и Северо-Востока — Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде. Здесь-то и было принято тогда решение собрать новое ополчение вместо того полуголодного, неорганизованного и мятежного воинства Ляпунова, которое не смогло освободить Москву. Инициатором сбора средств стал лидер средних слоев нижегородского посада земский староста Кузьма Минин. Он стремился организовать армию, способную разгромить шляхтичей и ландскнехтов Сигизмунда, которой не надо было бы обеспечивать себя (по примеру всех тогдашних армий) мародерством. На собранные средства нанимались опытные воины — служилые люди, стрельцы, казаки. Нужен был командующий. Почему же остановили выбор на Пожарском? Во-первых, он был политическим единомышленником горожан как сторонников сильного национального правительства; во-вторых, ни разу и ни под каким лозунгом не служил делу мятежа, что было в ту пору большой редкостью среди людей его ранга. Кроме того, он обладал военным авторитетом, знатностью (важно для престижа ополчения) и был лично известен многим людям. Пожарских, в частности, неплохо знали в Нижнем Новгороде, ибо их вотчины лежали в Мыгском стане, на границе Владимирского и Нижегородского уездов. Купцы не раз имели дело с этими солидными по тем краям землевладельцами. Пожарские были связаны и с Макарьевским Желтоводским монастырем, который впоследствии основал знаменитые Нижегородские ярмарки²⁰. А вернувшиеся из-под Москвы ополченцы рассказали о мужественных и талантливых действиях князя Дмитрия во время мартовского восстания 1611 года.

Депутацию в Мугреево возглавили архимандрит Нижегородско-Печерского монастыря Феодосий и сын боярский Ж. П. Болтин, один из родовитых дворян Нижнего. Согласно этикету, Пожарский долго отказывался, но позволил уговорить себя. Князь был уже осведомлен о событиях в Нижнем. По некоторым данным, Минин ездил к нему ранее и обо всем предварительно договорился. Теперь уже Пожарский потребовал Кузьму на пост хозяйственного руководителя как условие своего согласия. Послали гонца в город. Получив послание Пожарского, Минин «нажал» на городские верхи и заставил купечество подписать договор о поддержке и финансировании ополчения. Этот документ был выслан в Мугреево. Вскоре Пожарский выехал в Нижний Новгород²¹

¹⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 635.

²⁰ М. Д. Бутурлин. О месте погребения Д. М. Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 года. М. 1876.

²¹ Эти подробности вызывали сомнения у историков. Костомаров обвинял Пожарского в «безволии», а Минина — в «интриганстве» (Н. И. Костомаров. Собр. соч. Кн. 5. Т. 13. СПб. 1905, стр. 478—484). Церковники создали легенду: при вести о народном избрании «умиравший» Пожарский мгновенно «исцелился».

с семьей и в сопровождении вооруженных холопов, послужильцев и стрельцов из нижегородского гарнизона. В пути он встретил кочующих в поисках сильного сюзерена служилых людей из Дорогобужа и Вязьмы. После падения Смоленска они пошли на службу в ялпуновское ополчение, где князь Трубецкой обещал им поместья. Но крестьяне не признали новых господ и выгнали. Теперь своей властью Пожарский пригласил их на службу и присоединил к своему «поезду»²².

Перед Дмитрием Михайловичем стояла сложная задача — сформировать и возглавить армию, способную разгромить интервентов. За четыре года военной деятельности (1608—1611 гг.) ему ни разу не пришлось ни организовывать значительные воинские силы, ни испытать себя в руководстве боевыми действиями солидного масштаба. Весь его опыт, по сути дела, ограничивался несколькими стычками (с участием максимум нескольких сот людей с обеих сторон), обороной небольшого города и уличными боями в Москве. Но Пожарский и Минин, поддержанные посадом и дворянством, быстро сумели создать костяк армии и укрепить власть в Нижегородской земле. Они подавили движение городских и сельских низов²³ и, образовав центр национального единства, оперлись на армию, формирование которой завершили к началу 1612 года. Высланные Пожарским отряды навели порядок на Севере и Северо-Востоке. Многие крупные землевладельцы увидели во Втором ополчении многообещающую силу и перешли на его сторону. К февралю 1612 г. в ополчении было уже много знати, которая вместе с представителями городов составила правительство — «Совет Всей Земли». Это правительство посылало грамоты с распоряжениями (в них подпись Пожарского стояла, строго по разрядам, лишь на 10 месте, после более знатных Морозова, Долгорукого и других). А на 15 месте князь Дмитрий подписался за «выборного человека всею землею в Кузьмино место Минина». Вожди бывшего ялпуновского ополчения опасались Пожарского, и «семибоярщина», зная это, стремилась спровоцировать столкновение. Из Москвы в Нижний посыпались послания бояр, избравшие казацкого атамана Заруцкого из Первого ополчения едва ли не новым Болотниковым. Но Пожарский не пожелал нарушить национальный союз ополченцев и удержал от выступлений дворянство, видевшее в подмосковных таборах «взбунтовавшихся холопов».

Наиболее дальновидные помощники Заруцкого думали так же, как Пожарский. Когда в начале февраля Андрей Просовецкий был направлен Заруцким к Ярославлю для борьбы с хозяйничавшими там войсками гетмана Ходкевича, ставшего лагерем в Кашине, то увидел, что посланный из Нижнего отряд кн. Д. П. Лопаты-Пожарского уже занял Ярославль. Лопата-Пожарский арестовал всех бывших в городе казаков, а некоторых казнил. Узнавший об этих событиях Просовецкий ушел от города, избежав прямого столкновения²⁴. В середине февраля Пожарский вывел основные войска из Нижнего. По пути к Ярославлю к нему присоединились многие отряды. Вскоре их приток усилился. В Решме князю Дмитрию пришла весть от окольного А. В. Исайлова: пытаясь поправить свое пошатнувшееся положение, Трубецкой и Заруцкий примкнули к движению городских низов и казаков с центром в Пскове под знаменем очередного самозванца (Лжедмитрия III). Служилые люди начали массами переходить во Второе ополчение. Около Костромы к Пожарскому пришли жители города и рассказали о намерениях своего воеводы: И. В. Шереметев вел двойную игру, поддерживая контакт и с «семибоярщиной», и со Вторым ополчением и не пускал Пожарского в город. Но в Костроме началось восстание, и только вмешательство Пожарского спасло воеводу от самосуда²⁵. На его место поставили популярного в городе князя Р. Гагарина, бывшего здесь воеводой до Шереметева. Затем Пожарский послал своего родственника Р. П. Пожарского в Суздаль. Об этом его попросила депутация горожан, узнавших, что Заруцкий направил туда отряды Андрея и Ивана Просовецких. Стрельцы заняли город, а опоздавшие братья-атаманы опять решили не вступать в вооруженный конфликт.

²² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 662.

²³ Н. П. Долинин. Указ. соч., стр. 648, 656.

²⁴ Там же, стр. 665.

²⁵ П. Г. Любимиров. Очерки истории Нижегородского ополчения. М. 1939, стр. 92—93.

В Ярославле тем временем окончательно сформировался «Совет Всея Земли». Функционировали приказы — Посольский, Разрядный, Поместный. Формально возглавляли правительство знатнейшие из присоединившихся к ополчению феодалов. Тут были члены фамилий Долгоруких, Куракиных, Львовых, Турениных, Шереметевых, Бутурлиных. Фактическими же лидерами являлись Пожарский и Минин. Войско достигло уже 10 тыс. человек. Поместный приказ отменил земельные выдачи изменникам из рук интервентов и самозванцев (так получил одну из вотчин Пожарского некий Г. Орлов за то, что донес полякам на князя как на участника боев в Москве). Ярославское правительство понимало, что надо скорее ставить царя на русский престол, и Пожарский возобновил начатые еще Ляпуновым переговоры о короне для шведского принца Карла-Филиппа, который оккупировал Новгородскую землю и провозгласил себя князем Новгородским и вассалом своего старшего брата, шведского короля Густава-Адольфа. Карл-Филипп переменял герб «княжества»: вместо двух медведей, жезлами преградивших путь к креслу посадника, этого символа свободы «Господина Великого Новгорода», на щите появились половина двуглавого орла и ключ, поскольку династия Ваза рассматривала Новгород как плацдарм к овладению Россией.

Стравить борющиеся в Прибалтике польские и шведские правящие круги в борьбе за «русское наследство» имело смысл, и Пожарский действовал как недюжинный дипломат. Кроме того, Швеции теперь было неудобно присоединять Новгород (как марионеточное государство). Летом 1612 г. в Ярославле начались переговоры. Они проходили открыто, в присутствии всего «Совета». Пожарский поставил послам такие условия: переход королевича в православие и приезд его в Россию (Карл-Филипп жил в Выборге). Теперь нас уже не проведешь, как провел Сигизмунд, сказал князь: «Только уже мы искусились; не так бы мы не учинилось, как Польского и Литовского короля. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича да через крестное целование гетмана Польского Станислава Жолкевского и через свой лист за рукою своею и печатью манил с год, и не дал, а над Московским государством что Польские и Литовские люди учинили то вам и самим ведомо. А свейской Каролус король так же на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, до по се место, уже близко году, королевич в Новгороде не бывал»²⁶.

В ответ на предложение направить в Швецию посольство для переговоров Пожарский напомнил о судьбе посольства в Польшу: как только Сигизмунд увидел, что патриарх Филарет, князь Голицын и другие не согласятся с утратой Россией независимости, он захватил их в плен. Пусть лучше Густав-Адольф продемонстрирует добрую волю и выполнит русские условия. Но брат шведского короля побоялся ехать в охваченную гражданской войной страну. Дмитрий Михайлович перешел в наступление и спросил членов марионеточного новгородского правительства — князя Черного-Оболенского и игумена Геннадия, как посмели они присягнуть неправославному государю? Послы испугались и заверили «Совет», что Новгород потребует от принца крещения: «А не нашия Греческия веры, на государство не хотим». Швеция была на время нейтрализована. Но Пожарский воспользовался еще одним обстоятельством. В Ярославле случайно оказался возвращающийся с Востока подданный Священной Римской империи Яков Грегори. С ним к императору Рудольфу II было отправлено официальное приглашение на престол кого-либо из родственников «цесаря». Пожарский отлично понимал, что его безвестная подпись (при том, что в Европе мало знали о событиях в России) не произведет впечатления на Вену и что на Западе удостоверением знатности служили фамильные гербы, на Руси же их не применяли. Государственный герб Второе ополчение считало невозможным использовать до избрания царя. Кроме того, «двуглавый орел» был тогда дискредитирован самозванцами. Знак Первого ополчения («единогоглавый орел») принять тоже не хотели. И Пожарский, одним из первых в России, завел себе личный герб, который и был изображен на приглашении. Потом этот герб скопировали с перстня-печатки и сделали «большую печать», которая стала официальной эмблемой Второго ополчения. На этом гербе два льва поддерживают пышный щит. На щите ворон (или сокол) клюет вражескую голову. Под щитом — повер-

²⁶ Г. А. З а м я т и н. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол. Юрьев. 1913, стр. 52—54.

женный дракон. По краю шла надпись: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарского Стародубского»²⁷. Титул разъяснял, что глава нового правительства — не какой-то там «Ляпунофф» или «Болотникофф», а владетельный князь, герцог; и не «узурпатор», а потомок суверенов «милостью божией», родня угасшей династии Рюриковичей²⁸.

Трубецкой и Заруцкий видели, что их отодвигают на второй план. И они сами призвали Пожарского под Москву, «раскаявшись» в присяге «псковскому вору». Сочувствовавший Первому ополчению Авраамий Палицын, злобствуя, обвинял князя Дмитрия в бражничестве и лени, но тщетно. Заруцкий же предпринял отчаянную попытку вернуть себе руководство движением и тайно послал в Ярославль наемных убийц, которые связались с одним из слуг князя. В день смотра артиллерии они подобрались к Пожарскому в толпе. Но воеводу заслонил собой некий казак Роман, на плечо которого тот, не вполне еще оправившийся, опирался. Народ схватил подосланных и лишь благодаря князю Дмитрию Михайловичу не разорвал их тут же на куски. На суде эти двое — Семен и Обреско — признались во всем. Слугу-изменника Пожарский простил, а двоицу решил взять с собой, чтобы использовать для давления на Заруцкого.

В начале июля, узнав о движении к Москве польского гетмана Ходкевича, Пожарский выслал передовые отряды. 24 июня туда подошли Ф. Левашов и М. Дмитриев; 2 августа — Д. П. Лопата-Пожарский; вместе они имели 1100 человек. Они укрепились у Петровских и Тверских ворот столицы и, по приказу Пожарского, отказались соединиться с отрядами Первого ополчения. Заруцкий понял, что не должен ожидать для себя ничего хорошего. Вскоре узнали о его тайных переговорах с Ходкевичем, и раскол подмосковных таборов завершился. Лишь половина казаков осталась верна атаману. С ними он ушел в Астрахань, прихватив с собою Марину Мнишек (с которой сблизился после смерти «тушинского вора») и ее сына-«воренка», а в 1614 г. был выдан Москве и казнен; Марина же умерла в заточении.

Основные силы Пожарского тем временем двигались к Москве. 30 июля князь Дмитрий на сутки сдал командование Минину и князю Хованскому и, оставив войско на отдыхе, по обычаю посетил Спасо-Евфимьев монастырь, родовую усыпальницу Пожарских. У Переяславля-Залесского ополчение нагнала депутация от прибывших в Архангельск ландскнехтов. Их глава, шотландец «Яков Шав» (Джеймс Шоу), предложил ополчению свою службу. «Совет» вежливо отказал. Честные служилые иноземцы имелись в войсках, но не стоило доверять всеевропейским бродягам, способным изменить за лишний флорин. Вскоре «Совет» понизил в должности воеводу и сместил дьяка в Архангельске, пропустивших авантюристов через всю страну.

В ночь на 20 августа Минин и Пожарский уже стояли у Москвы. Ян-Карл Ходкевич опоздал на полтора дня, и Второе ополчение блокировало Кремль по укреплениям Белого города от Чертольской башни до Петровских ворот. Трубецкой, поняв, что Пожарский и Минин не придут к нему в таборы, решил саботировать совместные военные действия. Часть казаков поддерживала его: они боялись отдельно стоявшего дворянского войска. 22 августа наспех укрепленный лагерь Второго ополчения выдержал двойной натиск. Венгерская и запорожская конница потеснила Пожарского, затем бой стал рукопашным. Тем временем Ходкевич пытался зажать ополченцев между Кремлем и Москвой-рекой²⁹. Накануне Трубецкой попросил у Пожарского пять лучших конных сотен, а теперь сам медлил с помощью. Озлобленная часть казаков саркастически замечала: «Пришли из Нижнего, едни отстоятся от етмана», — глядя, как истекают кровью ополченцы. Но командиры пяти сотен не выдержали бездействия и переправились через реку без приказа. С ними пошли те атаманы, которых Пожарский одарил в Ярославле во время их депутатий. Пехота Ходкевича не ожидала удара

²⁷ П. А. Садииков. Земская печать и Нижегородское ополчение. 1611—1612 гг. «Летопись занятий Археографической комиссии». Т. 35. 1929, стр. 5—10.

²⁸ В то же время Пожарский говорил в Ярославле: «Если бы теперь такой столп князь Василий Васильевич (Голлицын) был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо него не принялся бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою поневолили» (С. М. Соловьев. Указ соч., стр. 672—673).

²⁹ Г. Н. Бибииков. Бой русского народного ополчения. 1612 г. «Исторические записки». Т. 32. 1950, стр. 186—188.

с фланга и побежала. Теснивший Пожарского с другой стороны кремлевский гарнизон тоже отступил. Так первая попытка гетмана пробить блокаду провалилась.

24 августа укрепившийся у Донского монастыря Ходкевич решил отбросить пронырки за ним в Замоскворечье войска Пожарского и одновременно рассеять отряды Трубецкого за Яузой, «и разъярися зело, и хотя отженути Московское воинство от стен градских, своих же во граде Москве свободных учинити хотя, и скачет по полям своим всюду аки лев рыскал, повелевая крепце биться»³⁰. Опорный пункт казаков, церковь Климента на Пятницкой, несколько раз переходил из рук в руки. Ожесточенный бой шел у Крымского брода. Ополченцам пришлось бы плохо, если бы без ведома Трубецкого не подскакали казаки. Авраамий Палицын, похваляясь, писал потом, что он-де спас положение, пообещав казакам награду из монастырской казны. Но окончательный удар нанес Минин, с четырьмя сотнями отборной конницы опрокинувший у Крымского брода передовые роты Ходкевича. Казаки захватили более 400 возов провианта. 25 августа гетман, потеряв обозы и часть армии, ушел к Вязьме, а гарнизон захватчиков остался в Кремле. Тут снова начались раздоры. Сторонники Владислава кн. Шаховской, Шереметевы и другие попытались поднять таборы на Пожарского. Провокация успеха не имела: казаки видели мужество князя, его популярность выросла. Вскоре остатки Первого и Второе ополчения оформили соглашение. Отныне Россией правил боярин князь Д. Т. Трубецкой, стольник кн. Д. М. Пожарский и выборный от Всея Земли человек К. Минин. Приказы и другие учреждения объединили и поставили на Иеглинной.

Надежда осажденных в Кремле поляков на раскол провалилась. Их обороной командовали полковники Струсь и Будила. Последний так описывает в дневнике жизнь в Кремле: осажденные ели траву, корни, кошек, мышей, собак, скончавшихся пленных и даже откапывали трупы³¹. Для предотвращения бессмысленной гибели жителей Китай-города Пожарский направил осажденным ультиматум, призывая не слушать изменников России Андронова и Салтыкова-Кривого, которые раздувают слухи о разногласиях в ополчении, и не ждать подкрепления, ибо все силы польский король бросил против турок; сдавшимся Пожарский гарантировал жизнь, а после перемирия — свободу, пожелавшим остаться на русской службе — награду. Осажденные прислали такой ответ: «Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились... Ты, сделавшись изменником своему государю светлейшему царю Владиславу Сигизмундовичу, которому целовал крест, восстал против него, и не только ты, человек невысокого звания и рождения, но и вся земля изменила ему, восстала против него... Мы не умрем с голоду, дожидаясь счастливого прибытия нашего государя... Пусть каждый из вас, старших, ждет над собой большой казни от бога... Под ваши сабли, которые вы острите на нас, будут подставлены ваши шеи. Впредь не пишите нам ваших московских сумасбродств; мы их уже хорошо знаем... Мы не закрываем от вас стен: добывайте, если они вам нужны, а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите; лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, пусть поп знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей—царству тогда лучше будет, нежели теперь, при твоём управлении, которое ты направляешь к последней гибели царства... Не пиши к нам лукавых басен, не распускай вестей, потому что мы лучше тебя знаем, что делается в нашей земле. Король польский хорошо обдумал с сенатом и Речью Посполитой, как начать ему войну и как усмирить тебя, архимятежника»³².

В октябре несколько батарей начали систематический обстрел Кремля. Пожарский знал, что взять штурмом Кремль трудно. А сидевшие в осаде несколько раз посылали гетману призывы о помощи. Они пытались выиграть время и предлагали переговоры. 22 октября ополчением был освобожден Китай-город. Через три дня поляки выпустили содержащихся в Кремле членов боярских семей, в том числе семью патриарха Филарета с его сыном Михаилом Романовым. 27 октября полк Струся, предпочтя казаков людям Пожарского, вышел на территорию, контролируемую Трубецким. Но

³⁰ «Дворцовые разряды» Т. I. СПб. 1850, стб. 3.

³¹ «Дневник Осипа Будилы». «Русская историческая библиотека». Т. I. СПб. 1872, стр. 349—350.

³² Там же.

ярость казаков помешала Трубецкому соблюсти соглашение о сдаче, и часть поляков подняли на сабли. Будила же со своим полком попал в руки Пожарского. Силой собственного авторитета князь помешал расправе и разослал пленных по русским городам. Затем судьба еще раз посмеялась над бывшим полковником: Будила попал в Нижний Новгород. Горожане собирались расправиться с ним. Но жившая там монахиня Евдокия (княгиня Мария Федоровна Пожарская), бывшая в Нижнем «первой дамой», пользовалась всеобщим уважением. Она уговорила нижегородцев («упросила хлопство», как потом писал Будила) не делать этого, поскольку ее сын дал слово сохранить пленным жизнь.

Между тем польский король Сигизмунд с армией в 5—6 тыс. человек шел к Москве. Он не знал о взятии Кремля. В Москве же, очищенной от интервентов, Пожарский, Минин и Трубецкой всерьез обеспокоились. Большая часть дворян-ополченцев, считая свою миссию завершённой, разъехалась по домам. Теперь надежда была на казаков. Дворян осталось в столице 2 тыс., стрельцов — 1 тыс., казаков — 4500. Пожарский проявил политическую гибкость. Атаманам дали поместья, другим — жалованье и право строить в Москве с освобождением от налогов на 2 года. Казаки сумели отогнать королевское войско на запад от Волоколамска³³. Вскоре собрались депутаты Земского собора для избрания царя. Можно строить лишь догадки относительно позиции кн. Дмитрия. Как известно, царем стал внучатый племянник Ивана Грозного и сын главы Российской православной церкви юный Михаил Романов, и после 21 февраля 1613 г. закончилось правление Пожарского, Минина и Трубецкого. 11 же июля, при венчании Михаила на царство, кн. Дмитрий играл видную роль и нес царский скипетр в процессии, а во время венчания у него в руках была держава. Тогда же он стал боярином³⁴, Минин — думным дворянином. Трубецкому молча узаконили его боярский титул (ведь он получил его там же, где Филарет — свое патриаршество, то есть в стане Лжедмитрия II).

Новые власти не очень-то желали видеть рядом тех, кому они были обязаны треном, и при всяком столкновении с родственниками нового царя князю Пожарскому по-прежнему указывали на его «худородность», а в конце 1613 г. при очередном местническом споре его даже выдали головой боярину Б. М. Салтыкову. Вскоре, однако, с Пожарским заговорили иначе. Знаменитый разбойник Лисовский опять «гулял» по юго-западу страны. Воеводу послали на поиски его старого врага. Весной 1615 г. князь заставил Лисовского принять бой под Орлом. Второй воевода — Исленьев — не выдержал атаки шляхетской конницы и бежал, «а осталось с князем Дмитрием людей жилацкая сотня да дворянская да дворян из городов не по многу, да человек с 40 стрельцов»³⁵. Он велел укрыться за возами и успешно оборонялся против двух тысяч «лисовчиков», нанеся им урон и даже взяв пленных. Когда же Исленьев вернулся, враги бежали, так и не проведая, что у Пожарского было войско в три раза меньше. Нагнав и осадив врага в Перемышле, Пожарский узнал, что часть войск Лисовского — те самые ландскнехты, которые попали в Россию через Архангельск. За немением лучшего, не взятые два года назад Пожарским на службу, «Яков Шав с товарищи» хотел теперь поживиться грабежом. Кн. Дмитрий вступил с ними в тайные переговоры и не ошибся в оценке их моральных качеств. Узнав о перспективе службы у царя, наемники тотчас покинули Лисовского, у которого в результате действий Пожарского осталась половина войска. Но нанести последний удар князю не довелось: его свалил приступ болезни. Передав командование Д. П. Лопате-Пожарскому, Дмитрий Михайлович уехал в Калугу. Лопата же был не популярен. Казаки помнили жестокую расправу воеводы с ними в 1612 г. в Ярославле. Этот вымогатель и взяточник³⁶ не смог удержать войско, и люди разбежались. Почувяв безнаказанность, Лисовский возобновил набеги. Могилей его шайки стала позднее Комарицкая волость.

Московское правительство использовало популярность Пожарского в народе, и еще не оправившийся князь возглавил сбор «пятой деньги» на нужды разоренного

³³ Н. П. Долинин. Указ. соч., стр. 771—775.

³⁴ Боярство должен был сказывать ему Г. Пушкин; он пробовал местничать, считая себя не ниже Пожарского, но был «укрошен» и выполнил приказ (С. Смирнов. Биография князя Д. М. Пожарского. М. 1852, стр. 85).

³⁵ «Дворцовые разряды». Т. I, стр. 181—182.

³⁶ Н. И. Костомаров. Указ. соч. стр. 479—480.

государства. В 1615—1617 гг. он с титулом «наместника Коломенского» участвовал в переговорах о заключении Столбовского мира со Швецией³⁷. Весною 1617 г. опять начались военные действия с поляками. Войска литовского гетмана Ходкевича и запорожского гетмана Конашевича-Сагайдачного вновь пошли завоевывать московский престол для Владислава. Из осажденной ими Калуги воевода Гагарин писал, что «выборные ото всех людей» били челом, чтобы государь послал к ним кн. Дмитрия Пожарского. И опять Пожарский получил войско, которое еще предстояло укротить: из 7000 человек 4000 служили ранее у Заруцкого. Недаром в царском приказе особо отмечалось: «Да беречи накрепко, чтоб в Калуге... по слободам и в уездах разбою и татбы и иного какого воровства... не было»³⁸. Пожарский совершил рейд на польскую базу село Товарково, где и порубил гусар Опалинского. Освободив Калугу, он помог и Можайску: доставил в осажденный город продовольствие и прикрыл отход части войск к Москве. Но «черная немочь» опять свалила воеводу, и его отвезли в столицу, которую 23 сентября осадили два гетмана — Ходкевич и Сагайдачный (причем имеются сведения, что Ходкевич безуспешно пытался переманить к себе Пожарского). Но князь в сражении у Арбатских ворот отбросил интервентов.

Шляхетские отряды взбунтовались и отказались воевать. Владиславу пришлось заключить 1 декабря 1618 г. перемирие на 14,5 лет. Тут в Москву по договору об обмене пленными вернулся из Польши патриарх Филарет. Дмитрий Михайлович занимал одно из почетных мест на его торжественной встрече. В 1619 г., после трех лет второстепенных назначений, Пожарского делают главой Ямского приказа, а 22 августа оставили наместником в Москве при отъезде царя на богомолье. В 1621 г. последовало аналогичное назначение. В 1620—1624 гг. он служил воеводой в Новгороде (одно из важнейших воеводств); в 1624 г. был дружкой царя на его свадьбе, а княгиня Прасковья — свахой с государевой стороны. Тогда же Дмитрий Михайлович руководил Разбойным приказом и по-прежнему ведал столицей при царских отъездах. В 1626 г. он с женой в тех же званиях был на второй царевой свадьбе. С 1628 г. по 1630 г. — опять воеводой в Новгороде. В 1631 г. князь построил около Красной площади в Москве Казанский собор и перенес туда популярную в народе святыню — икону Казанской богородицы, которой приписывали «избавление от поляков», и Филарет устраивал в эту церковь крестные ходы³⁹.

В 1632 г. русское правительство сделало попытку отвоевать Смоленск. Во главе армии были поставлены Черкасский и Лыков. Но последний не мог уступить удобного случая для местничества и начал спор, ибо был недоволен званием «второго воеводы». Тогда обоих заменили: к Смоленску вместо Черкасского двинули Шеина, прославившегося ранее героической обороной этого города от поляков. На место же Лыкова, к вящей его злобе, был назначен Пожарский. Однако выступить вместе со своей армией Дмитрий Михайлович не смог, так как тяжело заболел. Шеин безуспешно осаждал Смоленск. Архитектор Ф. Конь возвел здесь за 30 лет до того великолепную крепость для защиты западных границ России. Взять ее штурмом не представлялось возможным. Тем временем подошло войско короля Владислава и блокировало Шеина. В Москве поняли, что Шеина надо выручать. Князья Пожарский и Черкасский выехали в конце 1633 г. в Можайск и приступили к формированию подкрепления. Едва вставший на ноги, кн. Дмитрий опять руководил сбором «пятой деньги» для армии. Но правительство не смогло обеспечить явку дворян. Неудачей закончилась и попытка привлечь крестьянско-казацкие отряды «балашовцев», которые «гуляли» на юго-западных рубежах России. Сначала они согласились вступить на царскую службу. В многочисленных грамотах Пожарский и Черкасский призывали их в Можайск. Но с переходом «балашовцев» в центральные районы России их действия приобрели более яркую антифеодальную окраску, что и вызвало разгром движения правительством.

К 21 января 1634 г. Пожарский и Черкасский располагали отрядом в 300 человек. Лишь к концу февраля воеводам в Можайске удалось собрать 8-тысячный отряд и выступить на помощь. Они не знали, что еще 16 февраля отчаявшийся Шеин капи-

³⁷ С. Смирнов. Указ. соч., стр. 100.

³⁸ Там же, стр. 101—102.

³⁹ «Летопись Московской Введенской церкви». Сост. Н. П. Аятушев. М. 1897, стр. 41—45.

тулировал. Пожарскому пришлось распустить с невероятным трудом созданное войско и вернуться в Москву.

Подоспело и личное горе: умер сын, стольник Федор Пожарский... В 1635 г. Дмитрий Михайлович ведал Судным приказом и опять оставался наместником в Москве при царском отъезде. А 2 сентября 1636 г. патриарх Иоасаф отпел в церкви Введения на Лубянке княгиню Прасковью Пожарскую. Князь жил все там же, на своем подворье, в окружении многочисленной дворни. «От Сретенских ворот Сретенскую улицу по Введенскую решетку дворы всяких людей: место боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, на нем живут люди его крепостные: Тимошка серебряник, Петрушка и Павлик бронники, Матюшка алмазник, Пронка портной мастер, Антошка седельник, сказали, что будут они все на службе с боярином»⁴⁰. Впоследствии Пожарский женился вторично — на княжне Феодоре Андреевне Голицыной. С 1640 г. он опять ведал Судным приказом и участвовал в переговорах и приемах иноземных послов, но все больше времени проводил в своих вотчинах. Еще в 1613 г. ему вернули родовые стародубские владения — село с 30 деревнями на Ландехе, Холуйский посад, село Мыт у древних границ Нижегородского княжества, за оборону Москвы даровали большую вотчину в Ростовском уезде. В его деревни бежали крестьяне и ремесленники из разоренных посадов, и население этих владений росло.

Благодаря князьим заказам оживали народные промыслы. Князь заново отстраивал церкви и монастыри, покровительствовал художникам Холуя и Палеха. Находилась работа ювелирам и кузнецам, плотникам и каменщикам. В Холуе возродились ярмарки. «Богомазы» Холуйской слободы творили в народной манере, не очень-то следуя официальным канонам. В патриаршей грамоте 1668 г. говорилось, что «поселяне Холуя пишут иконы без всякого рассуждения и страха»⁴¹. Книга имелась тогда не во всяком даже богатом доме, а для библиотеки Пожарского трудились переписчики, и только в Спасо-Евфимьев монастырь после его смерти отошло 20 книг. Дмитрий Михайлович поддерживал известного писателя того времени кн. С. И. Шаховского, когда тот находился в опале. В обращенном к Пожарскому стихотворном послании Шаховской пишет:

Мнози бо людие дивятся мужественному твоему храбрству
И радуются, что бог тебя принес к великому государству,
Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
К богу, царю и ко всем человеком правду творишь⁴².

Судя по этому произведению, Пожарский помогал жене и детям писателя во время ссылки и заключения последнего:

И не презрел государь и наша тогда великия скудоты,
Прекормил еси нас с супружником нашим и с родшими от нас сироты...
И уже не вем, како конец сказать твоей великой щедрости,
Яко помогаеши многим людям в конечной бедности.

Гонимые властями, первые русские актеры тоже находили пристанище у Пожарского. В его вотчинах жила и выступала какая-то скоморошья труппа. Судя по их челобитной, скоморохи, прося о защите, именовали себя людьми Пожарского и Шуйского (его соседа)⁴³. Когда-то по велению Ивана Грозного, в честь взятия Казани, на Красной площади встал храм Покрова (известный как собор Василия Блаженного). В своей вотчине под Москвой, в Медведкове, кн. Дмитрий возвел собственный храм Покрова⁴⁴. Его изящный высокий шатер, вознесшийся в 1627 г. над Яузой, вызывает ассоциации не только с праздничным храмом у Кремля, но и со сторожевой башней на берегу Москвы-реки, знаменитой церковью Вознесения.

⁴⁰ Там же, стр. 49.

⁴¹ И. П а н т ю х о в. Селение Холуй. СПб. 1877, стр. 2.

⁴² Послание атрибутируется согласно гипотезе И. Ф. Голубева (И. Ф. Голубев. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 17. 1961, стр. 407—413).

⁴³ ГБЛ, ОР, ф. 67, № 15—93.

⁴⁴ М. И л ь и н. Москва. М. 1963, стр. 178—179.

20 апреля 1642 г. Дмитрий Михайлович Пожарский умер. Его похоронили в родовой усыпальнице, в Спасо-Евфимьевом монастыре. Принимая перед смертью схиму, князь взял себе имя Кузьмы в честь своего ранее умершего знаменитого соратника.

Этот человек, встающий перед нами со страниц летописей и документов, внешне не похож на богатыря, всем известного по скульптуре Мартоса. И он, и Минин жили довольно скромно и умерли не романтически, а от болезней. Необычно хорошо образованный для своего времени и класса и вечно мучимый слабым здоровьем, кн. Дмитрий, возможно, остался бы в более спокойные времена рядовым придворным. Его гордость не позволяла ему никогда ничего просить для себя, что просто уникально для тогдашней служилой среды. Человеческие качества Пожарского, прежде всего неколебимая верность убеждениям и гуманизм, встречались в то время у представителей феодалной знати не часто. Князь Дмитрий не расправлялся с попавшим в его руки недругом, не заступался за негодяя-родственника, и ничто, кроме болезни, не мешало ему выполнить данное им слово. Это знали и друзья, и враги. С дошедшего до нас его посмертного портрета (в книге об избрании Михаила Романова на царство) глядит молодой, уже лысеющий человек, коротко стриженный, в богатом парчовом одеянии. Художник, изобразивший в 1672 г. князя несущим скипетр, возможно, видел его самого или какие-то его изображения.

Немного личных вещей Дмитрия Михайловича известно нам, всего несколько книг да две сабли: одна, сильно сточенный потемневший клинок, лежит в Оружейной палате Кремля, подле сабли К. Минина; другая, в ножнах с камнями, парадная — в Государственном историческом музее. Обе они в свое время хорошо послужили хозяину и России. Других его личных вещей мы не знаем. Но жива слава Пожарского, великого патриота и воина.
